

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2024-4-3>

УДК 902/904

О СТАТУСЕ «ВСАДНИЧЕСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ» ИЗ СИНДСКИХ И МЕОТСКИХ МОГИЛЬНИКОВ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Берлизов Н.Е.¹, Берлизов А.Н.²

Краснодарский государственный институт культуры¹

Институт археологии Российской академии наук²

Аннотация. В последние годы в исследованиях по скифо-сарматской археологии все большее внимания уделяется совместным погребениям людей с лошадьми (т.н. «всаднических»). В связи с этим, актуально исследование статуса таких захоронений «варваров» эпохи раннего железа Западного Предкавказья. Исследование массива, состоящего из 1771 погребения второй пол. IX в. до н.э. – IV в. н.э., позволило выявить различные варианты «всаднических» захоронений. Изучение динамики развития этих погребальных практик в рамках периодизации, предложенной для меотской культуры Н.В. Анфимовым, позволяет утверждать, что обряды «всаднических» погребений у синдов и меотов являлись более сложными, чем традиции захоронения их сородичей. Сопоставление материалов из синдских и меотских могильников с погребальными памятниками других культур позволяет утверждать, что традиция совместного захоронения лошади и человека в регионе имела автохтонное происхождение. Можно предположить, что так называемые «всаднические погребения» были оставлены представителями варварского общества, основным занятием которых были грабительские набеги («балцы» Нартовского эпоса).

Ключевые слова: археология, скифо-сарматская эпоха, ранний железный век, погребальный обряд, погребения всадников, меоты, синды, Западный Кавказ.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта РНФ «Комплексные исследования нового городского некрополя архаического и классического времени Волна 1 на территории Азиатского Боспора» № 23-18-00196.

ON THE STATUS OF "HORSEMAN BURIALS" FROM SIND AND MEOTIAN BURIAL GROUNDS OF THE WESTERN CAUCASUS

Nikolay E. Berlizov¹, Alexander N. Berlizov²

Krasnodar State Institute of Culture¹

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences²

Abstract. In recent years, research on Scythian-Sarmatian archaeology has increasingly focused on the joint burials of people with horses (the so-called "horsemen"). In this regard, it is important to study the status of such burials of "barbarians" of the Early Iron age of the Western Caucasus. The study of an array consisting of 1771 second-floor burials. IX century BC – IV century AD, it allowed to identify various variants of "horseman" burials. The study of the dynamics of the development of these funeral practices within the framework of the periodization proposed for the Maeotian culture by N.V. Anfimov suggests that the rituals of "horseman" burials among the Sinds and Maeots were more complex than the burial traditions of their relatives. A comparison of materials from Sind and Maeotian burial grounds with funerary monuments of other cultures suggests that the tradition of joint burial of a horse and a man in the region had an autochthonous origin. It can be assumed that the so-called "horseman burials" belonged to a stratum of people whose main occupation was predatory raids (the "baltz" of the Nart epic).

Key words: archeology, the Scythian-Sarmatian Era; Early Iron Age, burial rite, riders' burials, Meotians, Sinds, Western Caucasus.

Funding: The research was carried out within the framework of the RNF project "Comprehensive studies of the new urban necropolis of archaic and classical time Wave 1 on the territory of the Asian Bosphorus" No. 23-18-00196.

Введение. Наступление эпохи железа в Северо-Западном Предкавказье связано с серией новаций в погребальных традициях оседлого населения. Прежде всего, резко возрастает само

количество погребений. Если для финала эпохи поздней бронзы в регионе известно около полутора десятков погребений белозерского типа, впущенных в более древние курганы [1, с. 28], то для начала эпохи перехода от бронзы к железу известно 27 грунтовых могильников прото-меотской культуры [1, с. 37–55]. При этом только в Николаевском могильнике начального этапа прото-меотской культуры исследовано 47 погребений [2]. Кроме того, доминирующий до этого в регионе подкурганый обряд погребения вытесняется бескурганым, со скорченным положением погребенных всё более успешно конкурирует вытянутое на спине, в погребениях более не встречается охра, богаче становятся керамические наборы, больше становятся изделий из металла.

К числу таких новаций можно отнести и появление захоронений, в которых вместе с погребенным помещались останки коня, часто взнузданного, либо взнузданного черепа и костей ног коня, которые считаются остатками конского чучела. Кроме этого, в могильниках Прикубанья и Закубанья встречаются отдельные захоронения коней и конских «чучел» с уздой. При этом новая традиция фиксируется с самого начала существования прото-меотской культуры. Так, конские костяки и «чучела» обнаружены в погребениях 6, 9, 25, 31 и 35 могильника Фарс/Клады, датированных раннечерногородским временем или концом IX -первой пол. VIII в. до н.э. [1, с. 172, 187; 3]. Им синхронны погребения конских «чучел» № 3, 28, 35, 38, 61, 83, 93 из раскопок А.А. Сазонова [1, с. 174; 4] и найденные в наборе с элементами упряжи кости лошади в п.31 Николаевского могильника [2, с. 118]. В дальнейшем эта погребальная традиция фиксируется в могильниках меотской культуры вплоть до римского времени.

Сравнительно недавно традиция подобных захоронений в скифо-савроматском мире

была исследована в монографии М.А. Очир-Горяевой [5].

Открытие серии «всаднических» погребений второй-третьей четв. V в. до н.э. в некрополе Волна 1 позволило вернуться к теме возникновения этой погребальной традиции на Азиатском Боспоре [6]. В свете вышесказанного обращение к её проявлениям в мире оседлых племён Северо-Западного Кавказа кажется вполне актуальным и оправданным.

Обсуждение. Результаты.

Итак, был обработан массив из 1771 захоронения оседлых племен Прикубанья и Закубанья второй пол. IX в. до н.э. – IV в. н.э. В настоящее время древнейшие из них (вторая пол. IX – первая пол. VII вв. до н.э.) объединяются в рамках прото-меотской, а остальные – меотской АК. В последнее время наметилась тенденция к обособлению памятников обитавшего между Кизилташским лиманом и р. Адагум оседлого населения Закубанья эпохи РЖВ, оставившего специфические «каменные некрополи», которое ассоциируется с синдами, тортами и керкетами античных источников [7; 8, с. 254 – 256; 9, с. 56–61].

Простейший частотный анализ показывает, что погребения, содержащие элементы конской упряжи либо подзахоронения коней и конских «чучел» не являются редким исключением в прото-меотской и меотской погребальной традиции. Так, анализ всей исследованной выборки дал следующие результаты: из 1771 погребения элементы упряжи содержали 129 (7,3 %), а подзахоронения боевых коней либо «чучел» – 133 погребения (7,5 %), в том числе «чучела» коней – 36 погребений (2 %). Результаты дифференциации исследуемого массива в культурном и хронологическом плане в соответствии с периодизацией, предложенной для меотской культуры Н.В. Анфимовым [10] и подтвержденной Н.Е. Берлизовым [11] приведены в табл. 1.

Таблица 1. Частотный анализ выборки погребений оседлого населения Западного Предкавказья эпохи РЖВ по степени представленности в них элементов конской упряжи и подзахоронений боевых коней либо конских «чучел».

	Общий объем выборки	Детали упряжи	Подзахоронения коней и «чучел»	В том числе подзахоронения «чучел» коней
Прото-меотская и меотская АК в целом	1011 (100%)	94 (9,3%)	103 (10,2%)	28 (2,8%)
Прото-меотская АК (вторая пол. IX – первая пол. VII вв. до н.э.)	161 (100%)	23 (14,3%)	11 (6,8%)	7 (4,3%)
Меотская АК в целом (вторая пол. VII в. до н.э. – первая пол. III в.н.э.)	850 (100%)	71 (8,3%)	92 (10,8%)	21 (2,47%)
Меотская АК Раннемеотский период (вторая пол. VII-V вв. до н.э.)	132 (100%)	14 (10,6%)	18 (13,6%)	10 (7,6 %)

Меотская АК Меотский период (IV в. до н.э.)	223 (100%)	11 (4,9%)	13 (5,8%)	3 (1,3%)
Меотская АК Среднемеотский период (III – первая пол. I вв. до н.э.)	395 (100%)	25 (6,3%)	38 (9,6%)	5 (1,3%)
Меотская АК Позднемеотский период (вторая пол. I в. до н.э. – сер. III в.н.э.)	100 (100%)	21 (21%)	23 (23%)	3 (3%)
Синдо-торетская группа в целом (вторая пол. VII в. до н.э. – IV в.н.э.)	760 (100%)	35 (4,6%)	30 (3,9%)	8 (1,05%)
Синдо-торетская группа Раннемеотский период (вторая пол. VII-V вв. до н.э.)	464 (100%)	22 (4,7%)	12 (2,6%)	8 (1,7%)
Синдо-торетская группа Меотский период (IV в. до н.э.)	49 (100%)	1 (2%)	2 (4%)	-
Синдо-торетская группа Среднемеотский период (III – первая пол. I вв. до н.э.)	49 (100%)	1 (2%)	2 (4%)	-
Синдо-торетская группа Позднемеотский период (вторая пол. I в. до н.э. – IV в.н.э.)	200 (100%)	12 (6%)	16 (8%)	-
Всего:	1771 (100%)	129 (7,3%)	133 (7,5%)	36 (2%)

Обращает на себя внимание значительное количество захоронений с «чучелам» коней в протомеотской выборке – 7 погребений (4,3 %). Кроме того, как уже отмечалось, в могильнике Пшиш I выявлено 15 погребений «чучел» коней с упряжью [4, с. 84]. Учет этих комплексов повышает долю погребений с «чучелами» в данной группе до 12,5 %. Чисто-конские погребения известны также на прото- и раннемеотском участке Псекупского могильника [12, с. 22]. Достаточно много погребений с «чучелами» – 10 (7,6 %) – отмечено и для выборки меотской АК раннемеотского периода. При этом в погребении 5 Келермесского грунтового могильника находились как захоронение коня, так и «чучело». В ранней группе Уляпского могильника зафиксированы 6 отдельных конских погребений [13, с. 71].

Для меотского и среднемеотского периодов в целом характерно снижение доли погребений с элементами упряжи и подзахоронениями «чучел». При этом к финалу меотского периода относится конское погребение 15 из раскопа III 1982 года могильника гор. №3 у х. им. Ленина [14 с. 37]. В среднемеотский период погребения лошадей зафиксированы в Усть-Лабинском могильнике №2, вышеупомянутом могильнике городища №3 у хут. им. Ленина и Тенгинском могильнике, причём в двух последних памятниках костяк лошади мог сопровождаться останками принесённого в жертву человека [14; 15, с. 170; 16, с. 12–13, 70–71, 87–88, 101, 122–124]. В позднемеотский период можно констатировать «ренессанс» традиции захоронений

людей с элементами упряжи либо с боевыми конями и «чучелами»: они составляют более 1/5 от всего количества комплексов данной эпохи.

Несколько иную картину дает анализ «каменных некрополей» синдов, торетов и керкетов. Здесь конская упряжь и подзахоронения боевых коней и «чучел» встречаются гораздо реже, чем в могильниках протомеотской и меотской культур. «Чучела» фиксируются только в комплексах раннемеотского периода и представлены гораздо скромнее, чем у оседлых племен Прикубанья, Центрального и Восточного Закубанья. Вместе с тем, в позднемеотский период, также, как в синхронных могильниках «классической» меотской культуры вырастает процент погребений, содержащих элементы упряжи и/или подзахоронения лошадей, а в Цемдолине и Широкой Балке фиксируются отдельные конские захоронения [17, с. 117–118; 18, с. 219–225].

О статусе людей, погребённых с деталями упряжи либо с лошадьми или «чучелами», помогает судить многомерный анализ. Итак, в целом в исследованной выборке эти элементы обряда устойчиво сочетались с наличием в погребении металлических сосудов, в том числе золотых, либо серебряных, элементов защитного вооружения и нашивных бляшек, в том числе золотых и серебряных. Перечисленный набор характеристик традиционно ассоциируется с элитными захоронениями. Кроме того, они тесно связаны с погребениями подбойно-катакомбного типа. Выяснилось, что эти особенности обряда в целом характерны именно для «всаднических» погребений, о чём наглядно свидетельствуют данные из таблицы 2.

Таблица 2. Статусные элементы обряда во «всаднических» и остальных захоронениях оседлого населения Западного Предкавказья эпохи РЖВ.

	1	2	3	4	5	6	7
Обычные погребения	1596 (100%)	10 (0,6%)	2 (0,1%)	1 (0,06%)	2 (0,1%)	19 (1,2%)	11 (0,68%)
«Всаднические» погребения	175 (100%)	23 (13,1%)	13 (7,4%)	6 (3,4%)	13 (7,4%)	13 (7,4%)	12 (6,8%)

В протомеотских погребениях интересующие нас элементы обряда оказались связаны, помимо других, с наличием в погребениях таких явных выделителей их статуса, как стрелковое и

клинковое (ударное оружие, и вотивных каменных и бронзовых топоров. Таблица 3 демонстрирует доминирование этих деталей обряда именно во «всаднических» погребениях.

Таблица 3. Статусные элементы обряда во «всаднических» и остальных захоронениях протомеотской культуры.

1 - всего погребений, 2 – стрелковое оружие, 3 – клинковое и ударное оружие, 4 – каменный или бронзовый топор.

	1	2	3	4
Обычные погребения	138 (100%)	2 (1,4%)	2 (1,4%)	1 (0,7%)
«Всаднические» погребения	23 (100%)	1 (4,3%)	6 (26%)	2 (8,7%)

Для меотских погребений Прикубанья, Центрального и Восточного Закубанья характерна устойчивая корреляция подзахоронений лошадей или «чучел» с планом и разрезом погребального сооружения камерного типа (подбой, катакомбы, каменные и черепяные гробницы, наличием/отсутствием в составе погребального инвентаря стеклянных столовых и металлических (в том числе золотых и серебряных

сосудов, элементов защитного доспеха, предметов упряжи из драгоценных металлов, бус, застежек и украшений из драгоценных металлов, ножа с костями жертвенных животных. Почти все эти элементы погребального обряда традиционно ассоциируются с прижизненным статусом погребённых. Как можно убедиться из данных, представленных в таблице 4, вновь эти особенности обряда преобладают именно во «всаднических» погребениях.

Таблица 4. Статусные элементы обряда во «всаднических» и остальных захоронениях меотской культуры.

	1	2	3	4
Обычные погребения	138 (100%)	2 (1,4%)	2 (1,4%)	1 (0,7%)
«Всаднические» погребения	23 (100%)	1 (4,3%)	6 (26%)	2 (8,7%)

В синхронных памятниках синдов и керкетов Западного Закубанья. наличие в погребении деталей упряжи, костяка или «чучела» коня коррелирует с конструкцией погребального сооружения; наличием подсыпок на полу могилы; кувшина в кремации; сосудов из драгоценных и недрагоценных металлов; элементов стрелкового вооружения; золотых или серебряных деталей конской упряжи, бляшек, застежек, пряжек, особых деталей костюма; диадем и ворворок; крупных инструментов; амулетов; атрибутов

культы и частей туш КРС, коня, либо свиньи в составе заупокойной пищи. Как и в ситуации с «классическими» меотскими памятниками в этом наборе доминируют элементы обряда, связанные с положением человека в обществе. Как следует из таблицы 5, в большинстве случаев эти характеристики обряда вновь уверенно преобладают во «всаднических» погребениях за тремя исключениями. Особые детали костюма (диадемы) из драгоценных металлов, крупные

орудия труда и кости свиньи в этой группе представлены только в комплексах, не содержащих

ни деталей упряжи, ни целых костяков, ни «чучел» коней.

Таблица 5. Статусные элементы обряда во «всаднических» и обычных захоронениях «каменных некрополей».

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Обычные погребения	713	0	21 2,9%	0	1 0,1%	1 0,1%	57 8%	0	6 0,8%	5 0,7%	7 1%	2 0,3%	5 0,7%	1 0,1%	7 1%	8 1,1%	15 2,1%	2 0,3%
«Всаднические» погребения	47	1 2,1%	4 8,5%	1 2,1%	1 2,1%	1 2,1%	23 48,9%	2 4,2%	5 10,6%	2 4,2%	3 6,4%	0	4 8,5%	0	1 2,1%	1 2,1%	4 8,5%	0

Интересны результаты исследования статуса «всаднических» захоронений оседлого населения Западного Предкавказья по хронологическим срезам. Итак, в выборку раннемеотского времени (вторая пол. VII-V вв. до н.э.) вошло 596 комплексов, в том числе 49 – содержащих элементы упряжи и/или костяки коней либо «чучела». Эти элементы обряда взаимосвязаны, в первую очередь, с полом погребенных, наличием элементов стрелкового и древкового вооружения, атрибутов культа, румян и частей туш КРС, либо лошади. При этом в выборке «невсаднических» погребений останки мужчин и женщин распределяются примерно поровну (пол определен в 104 случаях), а вот во «всаднической» группе уверенно преобладают мужские

захоронения. Стрелковое и древковое оружие, атрибуты культа и румян во «всаднических» погребениях встречаются гораздо чаще, нежели в остальных. Кроме того, в погребениях с элементами упряжи, подзахоронениями коней или «чучел», отсутствуют части туш КРС, представленные в остальных погребениях, но могут встречаться, наряду с целым костяком коня конские же череп, либо кости ног. Е.Е. Кузьмина уже отмечала, что состав жертвенной мясной пищи являлся четким социальным маркером в погребениях индоариев ведийского периода [19, с. 76]. Та же закономерность прослежена одним из авторов у носителей савроматской культуры [20]. (Таблица 6).

Таблица 6. Статусные элементы обряда во «всаднических» и обычных захоронениях раннемеотского периода (вторая пол. VII-V вв. до н.э.).

	1	2а	2б	3	4	5	6	7
Обычные погребения	547 100%	58 55,8%	46 44,2%	57 10,4%	70 12,8%	5 0,9%	17 3,1%	16 2,9%
«Всаднические» погребения	49 100%	20 83,3%	4 16,7%	25 51%	28 57,1%	4 8,2%	3 6,1%	10 20,4%

Для меотского периода (IV в. до н.э.) из 272 исследованных комплексов можно выделить 16 «всаднических». Наличие/отсутствие в погребении элементов упряжи и конских подзахоронений в этой группе вновь связано с половой принадлежностью погребенных, а также присутствием в могиле подсыпок, металлических сосудов, элементов стрелкового, древкового и защитного вооружения, нашивных бляшек (в том числе из драгоценных металлов), золотых и серебряных украшений, пряжек, зеркал,

амулетов-раковин и ножа с костями жертвенных животных. В этот период, как и в предыдущий, во «всаднической» выборке процент мужских захоронений оказывается выше, чем в остальных погребениях. Последние никогда не содержат металлических сосудов, встречающихся во «всаднических» погребениях. В свою очередь, с элементами упряжи, либо подзахоронениями коней или «чучел», никогда не сочетаются находки пряжек. Стрелковое и древковое ору-

жие, защитный доспех, золотые украшения, зеркала, амулеты из раковин, ножи с костями жерт-

венных животных характерны, в первую очередь, для «всаднических» погребений. (Таблица 7).

Таблица 7. Статусные элементы обряда во «всаднических» и обычных захоронениях меотского периода (IV в. до н.э.).

	1	2	3а	3б	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Обычные погребения	256	5	30	15	0	0	24	32	2	2	1	3	1	8	3	15
	100%	2%	66,6%	33,3%			9,4%	12,5%	0,8%	0,8%	0,4%	1,2%	0,4%	3,1%	1,2%	5,9%
"Всаднические" погребения	16	2	13	1	2	2	6	7	1	3	3	3	0	3	1	4
	100%	12,5%	92,8%	7,2%	12,5%	12,5%	37,5%	43,7%	7,2%	18,7%	18,7%	18,7%		18,7%	7,2%	25%

К среднемеотскому периоду (III – середина I вв. до н.э.) относится 442 исследованных комплекса. Из них 42 содержат упряжь и подзахоронения лошадей либо «чучел». Они демонстрируют взаимосвязь этих признаков обряда с конструкцией могильной ямы, перекрытия (заклада) погребальной камеры; присутствием в составе инвентаря кубышки, стеклянных столовых сосудов, украшений из драгоценных металлов, золотого шитья, ножа с костями жертвенных животных. Оказывается, что только «всаднические» погребения могли совершаться не только в обычных грунтовых ямах, но и в ямах с одним большим заплечиком (предназначенным,

как раз, для размещения туши коня). Погребальные камеры в таких погребениях закрывались только деревом, а в остальных могли закрываться и камнем. В погребениях, содержавших костяк или «чучело» коня и/или детали упряжи никогда не встречаются кубышки, представленные в остальных погребениях, зато в порядке чаще фиксируются стеклянные столовые сосуды, золотые и серебряные украшения, ножи с костями жертвенных животных. Только во «всаднических» погребениях встречается золотое шитьё. (Таблица 8).

Таблица 8. Статусные элементы обряда во «всаднических» и обычных захоронениях среднемеотского периода (III – середина I вв. до н.э.).

	1	2	3	4	5	6	7	8
Обычные погребения	400	21	4	12	1	6	0	17
	100%	5,25%	1%	3%	0,25%	1,5%		4,25%
"Всаднические" погребения	42	4	2	0	3	5	2	13
	100%	9,5%	4,8%		7,1%	11,9%	4,8%	30,9%

Обращаясь к выборке позднемеотского периода (300 погребений), можно отметить следующие закономерности. Присутствие в погребении подзахоронения коня или «чучела» и элементов упряжи для этого времени взаимосвязано с конструкцией могил подбойно-катакомбного типа, присутствием в составе инвентаря сосудов из металла (в том числе – драгоценного),

элементов стрелкового и защитного вооружения и бляшек из драгоценных металлов. Все эти детали обряда хорошо представлены во «всаднических» погребениях и крайне скромно – в остальных. Элементы защитного вооружения вообще встречены только во «всаднических» погребениях. (Таблица 9).

Таблица 9. Статусные элементы обряда во «всаднических» и обычных захоронениях позднемеотского периода (середина I в. до н.э. – IV в. н.э.).

	1	2	3	4	5	6	7
Обычные погребения	255	7	1	1	6	0	5
	100%	2,7%	0,4%	0,4%	2,3%		2%
"Всаднические" погребения	45	15	4	4	5	11	11
	100%	33,3%	8,9%	8,9%	11,1%	24,4%	24,4%

Заключение. Можно констатировать, что на протяжении всего раннего железного

века в могильниках оседлого населения Западного Предкавказья выделяются захоронения людей, которых хоронили с деталями конской

упряжи, верховыми конями либо их «чучелами». Это, как правило, мужчины, для которых могли устраиваться более сложные, чем для их сородичей, могилы, в которые чаще, чем остальным, помещали оружие, золотые и серебряные украшения, металлические и стеклянные сосуды и атрибуты культа.

Появление на Кавказе в эпоху перехода от бронзового века к железному традиции захоронения людей с предметами упряжи, взнузданным конём или «чучелом» проще всего было бы объяснить кочевническим влиянием. Однако анализ степных древностей предскифской эпохи, опубликованных в сводках А.И. Тереножкина [21], В.Е. Максименко [22], С.И. Лукьяшко [23], В.В. Дворниченко [24] и Б.Ф. Железчикова [25], демонстрирует практически полное отсутствие совместных и отдельных погребений людей и лошадей. Ту же картину являют погребения степной Скифии эпохи архаики [26]. Ситуация меняется, когда киммерийцы и скифы попадают в Предкавказье. В VIII в. до н.э. совершаются погребения киммерийских вождей-колесничих в курганах №1 и 2 в группы Уашхиту I, во второй половине VII-VI вв. раннескифские погребения в I Разменном кургане у ст. Костромской, Келермесских, Ульских и Нартанских курганах, содержавшие захоронения взнузданных коней. Как отмечалось выше, в протомеотских могильниках Закубанья погребения взнузданных коней и «чучел» фиксируются с конца IX – начала VIII вв. до н.э.

Таким образом, традицию «всаднических» погребений эпохи железа для Западного Предкавказья можно считать автохтонной. Вероятно, именно здесь эту традицию могли заимствовать кочевники в ходе походов в Закавказье и на Ближний Восток.

Симптоматично и то, что семантика данной особенности обряда достаточно логично раскрывается через один из сюжетов Нартовского эпоса осетин. Речь идёт об описании путешествия нарта Созырыко в Страну мёртвых [27. XVIII. 50]. В поисках чудесного Азан-листа нарт отправляется в заупокойный мир на коне. На обратном пути бесы по наущению коварного нарта Сырдона убивают коня, прострелив ему копыта – единственное уязвимое место. Издыхая, конь предлагает снять с него шкуру и набить соломой с тем, чтобы в таком виде доставить Созырыко домой. Герой следует совету, и «в семь раз лучше того, чем был, стал конь» [27. XVIII. 50]. В унисон с этим выступает описание осетин-

ского обряда посвящения коня покойному, зафиксированное В.Ф. Миллером. «Цель его именно та, чтобы покойник имел коня в загробном мире и мог доехать благополучно до места ему предназначенного» [28. с. 136–137]. Интересен и другой осетинский обряд, также описанный В.Ф. Миллером: сидение мёртвых или мёртв бадан, в ходе которого вдова, родственники и знакомые покойного поминали его в присутствии чучела последнего, наряженного в его одежду [29, с. 481]. Чучело покойного в данном ритуале явно воспринималось как вместилище для его души, прибывшей на «побывку» к родственникам.

В свете этого, можно предположить, что конь, посвящавшийся покойному и захороненный вместе с ним, мог рассматриваться в качестве своего рода транспортного средства для доставки хозяина в загробный мир. В свою очередь, конское чучело могло выступать в качестве доставщика души, умершего из Страны мёртвых в мир живых в поминальные дни. При этом данной привилегией пользовались не все усопшие, о чем свидетельствуют не только материалы погребений, но и упомянутая выше осетинская версия Нартиады. В ней, помимо путешествия в Страну мёртвых нарта Созырко, описан подобный подвиг нарта Сослана, совершившего вояж в загробный мир и обратно уже пешком [27. XVIII. 51].

Непротиворечивое объяснение из кавказского эпоса погребальной практики, существовавшей на Кавказе, начиная с предскифского времени, и задержавшейся в регионе вплоть до монгольского времени ещё больше утверждает нас во мнении о её местном происхождении.

Возвращаясь к вопросу о статусе «всаднических» погребений оседлого населения Западного Предкавказья, можно предположить, что они принадлежат сформировавшейся в рассматриваемую эпоху прослойке людей, основным занятием которых стали грабительские набеги – «балцы» кавказской Нартиады. Подобные персонажи проживали совместно со своими родовыми группами, о чем свидетельствует рассеянность «всаднических» погребений по могильникам, в которых преобладают погребения без элементов упряжи и подзахоронений коней или «чучел». Но уже с протомеотского времени в ряде случаев формируются объединения таких людей в рамках родовых групп. Это документируют материалы могильника Пшиш. Для ранне-

скифского времени подобный пример даёт Келермесский грунтовый могильник. Примерно с конца III в. до н.э. формируются уже специализированные «дружинные» кладбища, первый пример которого демонстрирует могильник в

Мезмае [30-33]. Развитием этой тенденции является могильник у хут. Городского I-II вв. [34; 35]. Возможно, именно представители такого своеобразного военного сословия изначально обозначались в регионе термином «нарты».

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан.	None declared.
Рецензия	Review
Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.: Наука. 2007. 430 с.
2. Анфимов Н.В., Протомеотский могильник с. Николаевского // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II. Майкоп: Адыгейское книжное издательство. 1961. С. 103–126.
3. Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады: Памятник перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М.: Гос. музей Востока. 1999. 162 с.
4. Сазонов А.А. Ранняя группа конских жертвоприношений протомеотского могильника Пиши-1 // Археология Адыгеи, Майкоп: Меоты. 1995. С. 84 – 107.
5. Очир-Горяева М.А. Древние всадники степей Евразии. М.: Таус. 2012. 472 с.
6. Кашаев С.В., Мимоход Р.А., Сударев Н.И. Погребения с лошадьми в некрополях Волна 1 и Артющенко 2 // Археологические Вести. 2020. Вып. 30. – С. 82–96.
7. Малышев А.А. К вопросу о причерноморской локальной группе меотской культуры // Боспорский сборник. Т.6. М.: НИИЦ "Архэ". 1995. С. 151–157.
8. Население архаической Синдики: по материалам некрополя у хутора Рассвет (Некрополи Черноморья. Т. III) / Отв. ред. А.А. Малышев. – М.: Гриф и К. 2010. 268 с.
9. Дмитриев А.В., Малышев А.А. Население предгорий Северо-Западного Кавказа в VIII–IV вв. до н.э. // Некрополи Черноморья. Т. III / Отв. ред. А.А. Малышев. М.: Гриф и К. 2009. С. 53 – 73.
10. Анфимов Н.В. Основные этапы развития меотской культуры эпохи раннего железа на Северо-Западном Кавказе // Actes du VII-e Congres International des sciences prehistoriques et protohistoriques. / eds. J.Philip Prague. 21-27 aout 1966. T.2. Prague: Academia. 1971. P. 865 - 870.
11. Берлизов Н.Е. О периодизации меотской культуры Прикубанья // Региональные исследования по отечественной истории и культуре. Краснодар: Издательство КГУКИ. 1999. С. 3 – 17.
12. Ловпаче Н.Г. Могильники в устье реки Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи. / Отв. ред. Н.В. Анфимов. Майкоп: Б. и. 1985. С. 16 – 64.
13. Лесков А.М., Беглова Е.А. Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья в середине VI - начале III века до н.э.: Некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы. М.: Наука. 2005. 192 с.
14. Лимберис Н.Ю. Конские погребения из могильника городища №3 у хутора имени Ленина // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. /Отв. ред. В. Б. Виноградов. Краснодар: КГУ. 1988. С. 35 – 54.
15. Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской // Материалы и исследования по археологии СССР. 1951. №23. С. 155 – 207.
16. Беглова Е.А., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья в сарматское время (по материалам Тенгинского грунтового могильника. М.; СПб.: Нестор-История. 2018. 384 с.
17. Аспургиане на Юго-Востоке Азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя: монография (Некрополи Черноморья. Т. II. / Отв. ред. А.А. Малышев. М.: Гриф и К. 2008. 302 с.

18. *Население предгорий северо-западного Кавказа в римскую эпоху: по материалам некрополя в Широкой Балке (Некрополи Черноморья. Т. IV / Отв. ред. А.А. Мальшиев. М.: ИА РАН, 2011. 408 с.*
19. Кузьмина Е.Е. *Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим. 1986. 135 с.*
20. Берлизов Н.Е. *Кости жертвенных животных из савроматских погребений как индикатор социального положения погребенного // Ранние кочевники Южного Урала и Нижнего Поволжья. Материалы круглого стола к юбилею доктора исторических наук М. Г. Мошковой. Институт археологии РАН. Москва / Отв. ред. С.В. Сиротин. 2020. С. 32 – 43.*
21. Тереножкин А.И. *Киммерийцы. Киев: Наукова думка. 1976. 224 с., ил., карт.*
22. Максименко В.Е. *Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1983. 224 с.*
23. Лукьяшко С.И. *Предскифский период на Нижнем Дону // Донские древности. Вып. 7. Азов: Азовский краеведческий музей. 1999. 240 с.*
24. Дворниченко В.В. *Погребения предскифского времени на Нижней Волге // Краткие сообщения института археологии. 1982. Вып. 170. С. 59–70.*
25. Железчиков Б.Ф. *Археологические памятники Уральской области. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 1998. 136 с.*
26. Мурзин В.Ю. *Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка. 1984. 134 с.*
27. *Нарты. Героический эпос осетинского народа. Книга 2. М.: Наука. Главная редакция Восточной литературы, 1989. 492 с.*
28. Миллер В.Ф. *Осетинские этюды. Ч.1 // В. Миллер. Осетинские этюды. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований. 1992. С.5 – 170.*
29. Миллер В.Ф. *Осетинские этюды. Ч.2 // В. Миллер. Осетинские этюды. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований. 1992. С.171 – 488.*
30. Шевченко Н.Ф. *«Полукенотаф» эпохи раннего железного века в грунтовом могильнике Мезмай 1. (Краснодарский край) // XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов Международной научной конференции. / отв. ред. М.Б. Мужухоев. Магас: Археологический центр им. Е. И. Крупнова, 2010. С. 365 – 370.*
31. Шевченко Н.Ф. *Элитное женское погребение в могильнике Мезмай 1 // Историко-археологический альманах. 2020. Вып. 15. / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир; Краснодар; М.: ИА РАН; МУК "Армавирский краеведческий музей". С. 66 – 84.*
32. Шевченко Н.Ф. *Грунтовый могильник «Мезмай 1» // Древности Кубани. 2020. Вып. 24. – Ростов-на-Дону – Таганрог: Издательство Южного федерального университета. С. 47 – 88.*
33. Шевченко Н.Ф., Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. *Княжеское погребение эллинистического времени в могильнике Мезмай (Северо-Западный Кавказ) // Вестник древней истории. 2011. № 1. С. 115 – 152*
34. Сазонов А.А. *Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи / отв. ред. Мекулов Д. Х. Майкоп: Издательско-полиграфическое и книготорговое производственное объединение "Адыгея" Комитета по печати и информации Республики Адыгея. 1992. С. 244 – 274.*
35. Сазонов А.А., Спасовский Ю.Н., Сохтарьек З.Н., Тов А.А. *Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского // Археология Адыгеи / Отв. ред. П. А. Дитлер. Майкоп: Меоты. 1995. С. 113 – 137.*

References:

1. Erlich V.R. *The North-Western Caucasus at the beginning of the Iron Age: Proto-Gothic group of monuments. M.: Nauka. 2007. 430 p.*
2. Anfimov N.V., *Protomeotian burial ground of S. Nikolaevsky // Collection of materials on the archeology of Adygea. Vol. II. Maikop: Adyge Book Publishing House. 1961.pp. 103-126.*
3. Leskov A.M., Ehrlich V.R. *The burial ground of Fars/Treasures: A monument of the transition from the Bronze Age to the Early Iron Age in the Northwestern Caucasus. Moscow: State Museum of the East. 1999. 162 p.*

4. Sazonov A.A. *The early group of horse sacrifices of the proto-Gothic burial ground of Przysz-I // Archeology of Adygea, Maikop: Meots. 1995. pp. 84-107.*
5. Ochir-Goryaeva M.A. *Ancient horsemen of the steppes of Eurasia. M.: Taus. 2012. 472 p.*
6. Kashaev S.V., Mimokhod R.A., Sudarev N.I. *Burials with horses in the necropolises Volna 1 and Artyushchenko 2 // Archaeological News. 2020. Issue 30. – pp. 82-96.*
7. Malyshev A.A. *On the question of the Black Sea local group of the Meotian culture // Bosphoran collection. Vol. 6. M.: NIAC "Arche". 1995. pp. 151-157.*
8. *The population of archaic Syndics: based on the materials of the necropolis at the farm Dawn (Necropolis of the Black Sea region. Vol. III) / Ed. A.A. Malyshev. – M.: Grif and K. 2010. 268 p.*
9. Dmitriev A.V., Malyshev A.A. *The population of the foothills of the Northwestern Caucasus in the VIII–IV centuries BC. // Necropolis of the Black Sea region. Vol. III / Ed. by A.A. Malyshev. M.: Grif and K. 2009. pp. 53 – 73.*
10. Anfimov N.V., *The main stages of the development of the Meotian culture of the Early Iron Age in the North-Western Caucasus // Actes du VII-e Congres International des sciences prehistoriques et protohistoriques. / eds. J.Philip Prague. 21-27 aout 1966. T.2. Prague: Academia. 1971. p. 865 - 870.*
11. Berlizov N.E. *On the periodization of the Meotian culture of Prikuban // Regional studies on national history and culture. Krasnodar: KGUKI Publishing House. 1999. pp. 3-17.*
12. Lovpache N.G. *Burial grounds at the mouth of the Psekupsa River // Questions of archeology of Adygea. / Ed. by N.V. Anfimov. Maikop: B. I. 1985. pp. 16-64.*
13. Leskov A.M., Beglova E.A. Ksenofontova I.V., Ehrlich V.R. *Meots of Zakuban in the middle of the VI - beginning of the III century BC: Necropolises near the village of Ulyap: burial complexes. M.: Nauka. 2005. 192 p.*
14. Limberis N.Y. *Horse burials from the burial ground of the settlement No. 3 near the Lenin farm // Problems of archeology and ethnography of the North Caucasus. /Ed. by V. B. Vinogradov. Krasnodar: KSU. 1988. pp. 35-54. 15*
15. Anfimov N.V. *Meoto-Sarmatian burial ground at the station Ust-Labinskaya // Materials and research on archeology of the USSR. 1951. No.23. pp. 155 – 207.*
16. Beglova E.A., Ehrlich V.R. *Meots of Zakuban in the Sarmatian period (based on the materials of the Tenginsky soil burial ground. M.; St. Petersburg: Nestor-History. 2018. 384 p.*
17. *Aspurgians in the Southeast of the Asian Bosphorus: based on the materials of the Tsemdolin necropolis: monograph (Necropolises of the Black Sea region. Vol. II. / Ed. by A.A. Malyshev. M.: Grif and K. 2008. 302 p.*
18. *The population of the foothills of the Northwestern Caucasus in the Roman era: based on the materials of the necropolis in the Wide Beam (Necropolis of the Black Sea region. Vol. IV / Ed. by A.A. Malyshev. M.: IA RAS, 2011. 408 p.*
19. Kuzmina E.E. *The oldest cattle breeders from the Urals to the Tien Shan. Frunze: Ilim. 1986. 135 p.*
20. Berlizov N.E. *Bones of sacrificial animals from Savromat burials as an indicator of the social status of the buried // Early nomads of the Southern Urals and the Lower Volga region. Materials of the round table for the anniversary of the Doctor of Historical Sciences M. G. Moshkova. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Moscow / Ed. by S.V. Sirotnin. 2020. pp. 32-43.*
21. Terenozhkin A.I. *The Cimmerians. Kiev: Naukova dumka. 1976. 224 p., ill., maps.*
22. Maksimenko V.E. *Savromats and Sarmatians on the Lower Don. Rostov-on-Don: Publishing House of Russian State University, 1983. 224 p.*
23. Lukyashko S.I. *The Pre-Scythian period on the Lower Don // Don antiquities. Issue 7. Azov: The Azov Museum of Local Lore. 1999. 240 p.*
24. Dvornichenko V.V. *Burials of the pre-Scythian time on the Lower Volga // Brief reports of the Institute of Archaeology. 1982. Issue 170. pp. 59-70.*
25. Zhelezchikov B.F. *Archaeological sites of the Ural region. Volgograd: Volga Publishing House. 1998. 136 p.*
26. Murzin V.Yu. *Scythian archaics of the Northern Black Sea region. Kiev: Naukova dumka. 1984. 134 p.*
27. *Sleds. The heroic epic of the Ossetian people. Book 2. Moscow: Nauka. The main editorial office of Oriental Literature, 1989. 492 p.*

28. Miller V.F. *Ossetian studies. Part 1* // V. Miller. *Ossetian sketches. Vladikavkaz: North Ossetian Institute of Humanitarian Studies. 1992. pp.5-170.*

29. Miller V.F. *Ossetian studies. Part 2* // V. Miller. *Ossetian sketches. Vladikavkaz: North Ossetian Institute of Humanitarian Studies. 1992. pp.171 – 488.*

30. Shevchenko N.F. "Half-cenotaph" of the Early Iron Age in the underground burial ground of Mezmai 1. (Krasnodar Territory) // XXVI Krupnov readings on the archeology of the North Caucasus. Abstracts of the reports of the International Scientific Conference. / ed. by M.B. Muzhukhiov. Magas: Archaeological Center named after E. I. Krupnov, 2010. pp. 365 – 370.

31. Shevchenko N.F. Elite female burial in the burial ground Mezmai 1 // Historical and archaeological almanac. 2020. Issue 15. / Ed. by R.M. Munchaev. Armavir; Krasnodar; Moscow: IA RAS; MUC "Armavir Museum of Local Lore". pp. 66-84.

32. Shevchenko N.F., Ground burial ground "Mezmai 1" // Antiquities of Kuban. 2020. Issue. 24. – Rostov-on-Don – Taganrog: Southern Federal University Press. pp.

47-88. 33. Shevchenko N.F., Zaitsev Yu.P., Mordvintseva V.I. Princely burial of the Hellenistic period in the Mezmai burial ground (North-Western Caucasus) // Bulletin of Ancient History. 2011. No. 1. pp. 115-152

34. Sazonov A.A. Burial ground of the first centuries of our era near the village of Gorodskoy // Questions of archeology of Adygea / ed. Mekulov D. H. Maykop: Publishing, printing and bookselling Production Association "Adygea" of the Press and Information Committee of the Republic of Adygea. 1992.Pp. 244-274.

35. Sazonov A.A., Spassovsky Yu.N., Sokhtariiek Z.N., Tov A.A. New materials of the burial ground of the first centuries of our era near the village of Gorodskoy // Archeology of Adygea / Ed. by P. A. Ditler. Maykop: Meots. 1995. pp. 113 – 137.

Информация об авторах:

Берлизов Николай Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры, E-mail berlizov@mail.ru

Берлизов Александр Николаевич, аспирант отдела классической археологии Института археологии РАН, младший научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия, E-mail: berlizov-aleksandr@mail.ru

Nikolay E. Berlizov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Cultural Studies and Museology of the Krasnodar State Institute of Culture

Alexander N. Berlizov, Postgraduate student of the Department of Classical Archaeology at the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Junior Researcher at the Department of Preservation of Archaeological Heritage